

> МАГИСТРАЛЪ >

ИОГАНН ВОЛЬФГАНГ
ГЁТЕ

Фауст

Москва
2023

УДК 821.112.2-2
ББК 84(4Гем)-6
Г44

Johann Wolfgang von Goethe
FAUST

Перевод с немецкого *Бориса Пастернака*

Художественное оформление *Натальи Портяной*

Гёте, Иоганн Вольфганг.

Г44 Фауст / Иоганн Вольфганг Гёте ; [перевод с немецкого Б. Пастернака]. — Москва : Эксмо, 2023. — 480 с. — (Магистраль. Главный тренд).

ISBN 978-5-04-180997-3

Доктор Иоганн Фауст — личность не только легендарная, но и историческая: ученый-врач или маг-чернокнижник, шарлатан и плут, живший в XVI веке в Германии (за давностью лет подробности его биографии остаются неизвестными). Остались записи о загадочной смерти Фауста, якобы убитого демоном Мефистофелем. Под пером Иоганна Вольфганга Гёте средневековая легенда превратилась в великую трагедию о цели человеческого бытия, о поиске смысла жизни.

УДК 821.112.2-2
ББК 84(4Гем)-6

© Пастернак Б., перевод на русский язык.
Наследники, 2023

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2023

ISBN 978-5-04-180997-3

ПОСВЯЩЕНИЕ

Вы снова здесь, изменчивые тени,
Меня тревожившие с давних пор,
Найдется ль наконец вам воплощенье,
Или остыл мой молодой задор?
Но вы, как дым, надвинулись, виденья,
Туманом мне заставши кругозор.
Ловлю дыханье ваше грудью всею
И возле вас душою молодею.

Вы воскресили прошлого картины,
Былые дни, былые вечера.
Вдали всплывает сказкою старинной
Любви и дружбы первая пора.
Пронизанный до самой сердцевины
Тоской тех лет и жаждою добра,
Я всех, кто жил в тот полдень лучезарный,
Опять припоминаю благодарно.

Им не услышать следующих песен,
Кому я предыдущие читал.
Распался круг, который был так тесен,
Шум первых одобрений отзвучал.
Непосвященных голос легковесен,
И, признаюсь, мне страшно их похвал,
А прежние ценители и судьи
Рассеялись, кто где, среди безлюдья.

И я прикован силой небывалой
К тем образам, нахлынувшим извне.
Эоловою арфой прорыдало
Начало строф, родившихся вчерне.
Я в трепете, томленье миновало,
Я слезы лью, и тает лед во мне.
Насущное отходит вдаль, а давность,
Приблизившись, приобретает явность.

ТЕАТРАЛЬНОЕ ВСТУПЛЕНИЕ

Директор театра, поэт
и комический актер.

Директор

Вы оба, средь несчастий всех
Меня дарившие удачей,
Здесь, с труппою моей бродячей,
Какой мне прочите успех?
Мой зритель в большинстве неименитый,
И нам опора в жизни — большинство.
Столбы помоста врыты, доски сбиты,
И каждый ждет от нас невесть чего.
Все подымают брови в ожиданье,
Заранее готовя дань признанья.
Я всех их знаю и зажечь берусь,
Но в первый раз объят такой тревогой.
Хотя у них не избалован вкус,
Они прочли неисчислимо много.
Чтоб сразу показать лицом товар,
Новинку надо ввести в репертуар.
Что может быть приятней многолюдства,
Когда к театру ломится народ
И, в ревности дойдя до безрассудства,
Как двери райские, штурмует вход?
Нет четырех, а ловкие проныры,
Локтями в давке пробивая путь,

Как к пекарю за хлебом, прут к кассиру
И рады шею за билет свернуть.
Волшебник и виновник их наплыва,
Поэт, сверши сегодня это диво.

П о э т

Не говори мне о толпе, повинной
В том, что пред ней нас оторопь берет.
Она засасывает, как трясина,
Закручивает, как водоворот.
Нет, уведи меня на те вершины,
Куда сосредоточенность зовет,
Туда, где божьей созданы рукою
Обитель грез, святилище покоя.

Что те места твоей душе навеют,
Пускай не рвется сразу на уста.
Мечту тщеславье светское рассеет,
Пятой своей растопчет суета.
Пусть мысль твоя, когда она созреет,
Предстанет нам законченно чиста.
Наружный блеск рассчитан на мгновенье,
А правда переходит в поколенья.

К о м и ч е с к и й а к т е р

Довольно про потомство мне долбили.
Когда б потомству я дарил усилья,
Кто потешал бы нашу молодежь?
В согласье с веком быть не так уж мелко.
Восторги поколенья — не безделка,
На улице их не найдешь.
Тот, кто к капризам публики не глух,
Относится к ней без предубежденья.
Чем шире наших слушателей круг,
Тем заразительнее впечатленье.
С талантом человеку не пропасть.
Соедините только в каждой роли
Воображенье, чувство, ум и страсть
И юмора достаточную долю.

Директор

А главное, гоните действий ход
 Живей, за эпизодом эпизод.
 Подробностей побольше в их развитии,
 Чтоб завладеть вниманием зевак,
 И вы их победили, вы царите,
 Вы самый нужный человек, вы маг,
 Чтобы хороший сбор доставить пьесе,
 Ей требуется сборный и состав.
 И всякий, выбрав что-нибудь из смеси,
 Уйдет домой, спасибо вам сказав.
 Насуйте всякой всячины в кормежку:
 Немножко жизни, выдумки немножко,
 Вам удастся этот вид рагу.
 Толпа и так все превратит в крошку,
 Я дать совет вам лучший не могу.

Поэт

Кропанье пошlostей — большое зло.
 Вы этого совсем не сознаете.
 Бездарных проходимцев ремесло,
 Как вижу я, у вас в большом почете.

Директор

Меня упрек ваш, к счастью, миновал.
 В расчете на столярный матерьял
 Вы подходящий инструмент берете.
 Задумались ли вы в своей работе,
 Кому предназначается ваш труд?
 Одни со скуки на спектакль идут,
 Другие — пообедав до отвала,
 А третьи — ощущая сильный зуд
 Блеснуть суждением, взятым из журнала.
 Как шляются толпой по маскарадам
 Из любопытства, на один момент,
 К нам ходят дамы щегольнуть нарядом
 Без платы за ангажемент.
 Собою упоенный небожитель,

Спуститесь вниз на землю с облаков!
 Поближе присмотритесь: кто ваш зритель?
 Он равнодушен, груб и бестолков.
 Он из театра бросится к рулетке
 Или в объятия ветреной кокетки.
 А если так, я не шутя дивлюсь:
 К чему без пользы мучить бедных муз?
 Валите в кучу, поверху скользя,
 Что подвернется, для разнообразья.
 Избытком мысли поразить нельзя,
 Так удивите недостатком связи.
 Но что случилось с вами? Вы в экстазе?

П о э т

Ступай, другого поищи раба!
 Но над поэтом власть твоя слаба,
 Чтоб он свои священные права
 Из-за тебя смешал преступно с грязью.
 Чем сердце трогают его слова?
 Благодаря ли только громкой фразе?
 Созвучный миру строй души его —
 Вот этой тайной власти существо.
 Когда природа крутит жизни пряжу
 И вертится времен веретено,
 Ей все равно, идет ли нитка глаже
 Или с задоринками волокно.
 Кто придает, выравнивая прялку,
 Тогда разгон и плавность колесу?
 Кто вносит в шум разрозненности жалкой
 Аккорда благозвучье и красу?
 Кто с бурей сближает чувств смятенье?
 Кто грусть роднит с закатом у реки?
 Чьей волею цветущее растение
 На любящих роняет лепестки?
 Кто подвиги венчает? Кто защита
 Богам под сенью олимпийских рощ?
 Что это? — Человеческая мощь,
 В поэте выступившая открыто.

Комический актер

Воспользуйтесь же ей по назначенью.
 Займитесь вашим делом вдохновенья
 Так, как ведут любовные дела.
 Как их ведут? Случайно, спрехвала.
 Дружат, вздыхают, дуются, — минута,
 Другая, и готовы путы.
 Размолвка, объясненье, — повод дан,
 Вам отступленья нет, у вас роман.
 Представьте нам такую точно драму.
 Из гущи жизни загребайте прямо.
 Не каждый сознает, чем он живет.
 Кто это схватит, тот нас увлечет.
 В заквашенную небылицу
 Подбросьте истины крупницу,
 И будет дешев и сердит
 Напиток ваш и всех прельстит.
 Тогда-то цвет отборной молодежи
 Придет смотреть на ваше откровенье
 И будет черпать с благодарной дрожью,
 Что подойдет ему под настроенье.
 Не сможет глаз ничей остаться сух.
 Все будут слушать, затаивши дух.
 И плакать и смеяться, не замедлив,
 Сумеет тот, кто юн и желторот.
 Кто вырос — тот угрюм и привередлив,
 Кому еще расти — тот все поймет.

Поэт

Тогда верни мне возраст дивный,
 Когда все было впереди
 И вереницей непрерывной
 Теснились песни из груди.
 В тумане мир лежал впервые,
 И, чуду радуясь во всем,
 Срывал цветы я полевые,

Повсюду росшие кругом.
 Когда я нищ был и богат,
 Жив правдой и неправде рад.
 Верни мне дух неукрощенный,
 Дни муки и блаженства дни,
 Жар ненависти, пыл влюбленный,
 Дни юности моей верни!

Комический актер

Ах, друг мой, молодость тебе нужна,
 Когда ты падаешь в бою, слабея;
 Когда спасти не может седина
 И вешаются девочки на шею;
 Когда на состязанье беговом
 Ты должен первым добежать до цели;
 Когда на шумном пире молодом
 Ты ночь проводишь в танцах и веселье.
 Но руку в струны лиры запустить,
 С которой неразлучен ты все время,
 И не утратить изложения нить
 В тобой самим свободно взятой теме,
 Как раз тут в пользу зрелые лета,
 А изреченье, будто старец хилый
 К концу впадает в детство, — клевета,
 Но все мы дети до самой могилы.

Директор

Довольно болтовни салонной.
 Не нам любезности плести.
 Чем зря отвешивать поклоны,
 Могли б мы к путному прийти.
 Кто ждет в бездействии наитий,
 Прождет их до скончанья дней.
 В поэзии греметь хотите?
 По-свойски расправляйтесь с ней.
 Я вам сказал, что нам во благо.
 Вы и варите вашу брагу.
 Без разговоров за котел!

День проморгали, день прошел, —
Упущенного не вернете.
Ловите на ходу, в работе
Удобный случай за хохол.
Смотрите, на немецкой сцене
Резвятся кто во что горазд.
Скажите — бутафор вам даст
Все нужные приспособленья.
Потребуется верхний свет, —
Вы жгите, сколько вам угодно.
В стихии огненной, и водной,
И прочих недостатка нет.
В дошатам этом балагане
Вы можете, как в мирозданье,
Пройдя все ярусы подряд,
Сойти с небес сквозь землю в ад.

ПРОЛОГ НА НЕБЕ

Господь, небесное воинство,
потом Мефистофель. Три архангела.

Рафаил

В пространстве, хором сфер объят,
Свой голос солнце подает,
Свершая с громовым раскатом
Предписанный круговорот.
Дивятся ангелы господни,
Окинув взором весь предел.
Как в первый день, так и сегодня
Безмерна слава божьих дел.

Гавриил

И с непонятной быстротою
Внизу вращается земля,
На ночь со страшной темнотою
И светлый полдень круг деля.
И море пеной волн одето,
И в камни пеной бьет прибой,
И камни с морем мчит планета
По кругу вечно за собой.

Михаил

И бури, все попутно руша
И все обломками покрыв,

То в вольном море, то на суше
Безумствуют наперерыв.

И молния сбегает змеем,
И дали застилает дым,
Но мы, господь, благоговеем
Пред дивным промыслом твоим.

Все втроем

Мы, ангелы твои господни,
Окинув взором весь предел,
Поем, как в первый день, сегодня
Хвалу величью божьих дел.

Мефистофель

К тебе попал я, боже, на прием,
Чтоб доложить о нашем положении.
Вот почему я в обществе твоём
И всех, кто состоит тут в услуженье.
Но если б я произносил тирады,
Как ангелов высокопарный лик,
Тебя бы насмешил я до упаду,
Когда бы ты смеяться не отвык.
Я о планетах говорить стесняюсь,
Я расскажу, как люди бьются, маясь.
Божок вселенной, человек таков,
Каким и был он испокон веков.
Он лучше б жил чуть-чуть, не озари
Его ты божьей искрой изнутри.
Он эту искру разумом зовет
И с этой искрой скот скотом живет.
Прошу простить, но по своим приемам
Он кажется каким-то насекомым.
Полулетя, полускача,
Он свиритит, как саранча.
О, если б он сидел в траве покоса
И во все дрызги не совал бы носа!